

Шлем, щит, меч – символические признаки концепта *воин*

Алексей Б. Бодриков^{а, @}

^а Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, 191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 22

@ 79261454613@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.01.2019. Принята к печати 22.04.2019.

Аннотация: В русской лингвокультуре значительное место занимает сфера отношения к своей Родине. Эта сфера формируется рядом концептов, таких, например, как *Отечество, дом, семья, дети, воин*. Изучаемый концепт *воин* в современном языкознании не был исследован, в этом и состоит актуальность проводимого анализа. Обращение к милитарным концептам обусловлено большой культурной нагруженностью этой важной составляющей жизни общества. Воин в русской лингвокультуре символизирует защитника. Защитник – тот, кто охраняет покой и сон семьи, родных и близких, Родины в целом. Милитарные концепты только начинают привлекать внимание современных исследователей. Основная задача статьи – выявление символических признаков концепта *воин* в русской языковой картине мира. Основой для исследования послужили конструкции с основным репрезентантом концепта *воин*, собранные из Национального корпуса русского языка. В статье анализируется фрагмент структуры концепта *воин* – символические признаки экипировки. Одним из самых распространенных символов воина считается оружие. К символическим признакам экипировки исследуемого концепта были отнесены три основных признака – шлем, щит, меч. Научными методами исследования являются концептуальный, описательный и метод статического анализа. В результате проведенного исследования было выявлено, что высокая степень частотности актуализаций свойственна следующим символическим стереотипным признакам: шлем (24 %), вооружение (23,7 %), щит (22,8 %), меч (10 %). Средняя степень частотности отмечена у таких когнитивных признаков, как кольчуга (5,2 %), доспехи (4,7 %), копье (2,3 %), латы (2,1 %), лук (1,6 %). Остальные признаки имеют низкую степень частотности.

Ключевые слова: лингвокультура, милитарный код, символ, языковая картина мира, анкетирование, языковое сознание

Для цитирования: Бодриков А. Б. Шлем, щит, меч – символические признаки концепта *воин* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 496–503. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-496-503>

Введение

Лингвокультурология на современном этапе своего развития обращает свое внимание на воссоздание и исследование структур концептов. Интерес к национальной культуре, к базовым концептам, относящимся к социальной сфере жизни общества, обусловлен необходимостью изучать стереотипы, заложенные в концептуальной системе, которые только сейчас становятся предметом пристального исследования. Одной из важных составляющих концептуальных структур выступает символический компонент. Символические признаки концепта представляют собой квинтэссенцию значимых образов, развившихся до символов.

Постановка проблемы. В данной статье анализу подвергаются символические признаки концепта *воин* в русской

лингвокультуре. Несмотря на развитие науки и техники, появление новых видов вооружения, в настоящее время воин ассоциируется с древними видами оружия – щитами, мечами и копьями – и древней экипировкой – шлемами и доспехами.

Методика, используемая в статье, основывается на концептуальном анализе репрезентанта исследуемого концепта – слова *воин* и его производных¹. Методика концептуального анализа подробно описывается в работах [1–5]. Применены описательный и статистический методы анализа.

Результаты

Милитарный код лингвокультуры, стереотипы (готовые схемы восприятия), связанные с военной сферой, милитарная лексика – всё указанное становится объектом

¹ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 824 с.

изучения лингвистов [6–8], в том числе в рамках лингвокультурологического направления [9–17]. Стереотипы, сложившиеся в сознании носителей языка, указывают на метонимический способ создания символов, связанных с образом воина. Воин – вооруженный человек в доспехах (*И в гуцу народа врубались воины с бронзовыми мечами, прямоугольными щитами и в шлемах с коротким гребнем.* Иванов А. В. Псоглавцы).

Как бы странно это ни выглядело, но воин рисуется в сознании носителей русского языка не в современном облачении – в камуфляже с базуккой или в танке, а с оружием, которое мы сейчас назвали бы устаревшим – копьем, мечом, щитом, сам воин видится одетым в броню (*Горячее весеннее солнце играло на щитах, копьях и бронях воинов, окружавших короля.* Чарская Л. А. Дуль-Дуль, король без сердца). И неизменный атрибут воина – шлем на его голове. В итоге получился образ богатыря. Этот образ обусловлен высоким стилем, к которому относится слово *воин*.

В научной литературе по изучению языка и культуры поднимался вопрос о роли богатырей в русском языковом сознании [14–18]. Все мифы о богатырях и войнах-героях восходят к русскому фольклору [19–40]. Обратимся к этому вопросу с позиции анализа символов русских воинов. Вначале рассмотрим основные признаки воинской экипировки, ставшей символичной.

Доспехи

Воин одет в боевые доспехи (*Бишамон – рослый воин с секирой, в шлеме и доспехах, на которых написано: «верность, долг, честь».* Овчинников В. В. Размышления странника): латы, кольчугу (*Заблестели на солнце щитами и кольчугами кабардино-балкарские воины, сжали ручки мечей русские богатыри Московской области.* Праздник на нашей улице // Вечерняя Москва. 13.06.2002). У разных народов доспехи изготавливались не только из различных металлов (*На стенах висели картины, а с двух сторон от кровати стояли драгоценные рыцарские доспехи с золотой инкрустацией – в руках у одного железного воина был меч, а у другого копье.* Пелевин В. О. Бэтман Аполло), но и из шкур слонов (*Бивни шли на выделку различных украшений и произведения художников, а шкура использовалась для производства защитных доспехов воинов.* Ярхо В. А. Ушастое сверхоружие). Для описания современных битв на полях политики, экономики и иных сферах жизни используют метафоры боевого облачения (*Офисный костюм – латы современного воина.* Пищикова Е. В. Пятиэтажная Россия).

Щит

Как указывает Словарь символов, щит – это «неиконическое изображение божества или героя. В Древней Греции щит вместе с эгидой, которую надевали на грудь как элемент доспехов, был эмблемой Ареса и Афины. Щит и копье символизировали инициацию юношей-эфебов»². Иными словами, щит и копье давались в руки юношей в определённом возрасте: тем, кто прошел обряд инициации.

Наличие щитов в руках воинов означало готовность к бою (*Мы воины, смело ударим рукой по суровым Щитам.* Катаев В. П. Алмазный мой венец), их отсутствие – поражение и / или окончание боя (*И облепились уже вагоны воинами без щитов, пустеет дикое и горестное поле бранное.* Зайцев Б. К. Улица св. Николая). Вне боя воины носили щиты на плечах (*В ущелье входили воины. На плечах висели щиты.* Гиголашвили М. Чертово колесо).

Щиты изготавливали из разных материалов: металла, слоновьей толстой кожи (*Абиссинские воины в бою защищались от пуль щитами из слоновьей кожи, и, что самое поразительное, щиты эти, изготовленные по технологиям, восходящим ко временам библейским, выдерживали попадания ружейных пуль, «выпущенных с довольно близкого расстояния из ружей с нарезным стволом».* Ярхо В. А. Ушастое сверхоружие). Воинов хоронили в полном боевом облачении, кладя в могилу их оружие (*В одном из них лежало тело знатного воина, о чем свидетельствовало богато украшенное боевое оружие.* Лалаянц И. Тетрагамматон).

Щит и меч – воинский сложный символ, существовавший в древнем мире (*В Пафосе, где некогда выходила из пены волн юная и прекрасная Афродита, вскрыты мозаичные полы, на одном из которых виден некий воин, атакующий с изогнутым мечом и щитом другого воина.* Лалаянц И. Тетрагамматон). На щитах были разного рода изображения (*Медуза Горгона – очень распространённый художественный образ ещё с античных времен: его можно встретить на щитах древних воинов, старинных монетах, различного рода амулетах.* Орлов Е. Н. Сапфир Александра Македонского; *Золотая пантера* из кургана около станицы Келермесской также служила украшением на щите воина. Темиргалеев Р. Золото бесстрашных воинов). В дополнение к символу защиты – щиту – в России использовался символ победы – знамя в руках воина (*Советский воин, опираясь на щит, держит в руке знамя.* Ефимов Б. Е. Десять десятилетий).

Шлем

Богатыри земли русской изображаются со шлемами на голове. Воинов различали по внешнему виду – по доспехам и шлемам (*Еще через день вышел номер «Огонька» с моим*

² Щит // Словарь символов. Режим доступа: <http://www.edudic.ru/sim/1/27/> (дата обращения: 08.12.2018).

большим рисунком, на котором мощный советский **воин в броне русского богатыря** замахивается **мечом** на свиноподобного Гитлера в **рогатом тевтонском шлеме** и с окровавленным кинжалом в руке. Ефимов Б. Е. Десять десятилетий). Словарь символов так описывает этот воинский атрибут: «Означает защиту и сохранение. Атрибут воина или героя. Является атрибутом Ареса (Марса) как бога войны и Афины (Минервы) как богини мудрости»³.

Шлем – часть обмундирования древних воинов (Безликий ландшафт (вулканическая пустыня), нейтральные одежды, ничем непримечательное **обмундирование воинов, их шлемы**, которые говорят только о том, что это «старинные шлемы». Аронсон О. В. Коммуникативный образ). Ношение шлема восходит к временам, когда рубились в битвах мечами (Я подымался по чужунной лестнице, видел профили **воинов в шлемах и грозные мечи под ними на барельефах...** Булгаков М. А. Записки покойника). На тело воины одевали латы, доспехи, кирасы, на головы – шлемы, в руках они держали палаши – рубящие и колющие широкие мечи (О том, что хозяин квартиры увлекается оловянной миниатюрой, историей, реконструкцией, немногословно говорили несколько десятков **воинов** разных эпох, кирасира, **шлем и палаши**. Тюшина Е. Стойкий оловянный солдатик). Шлемы служили воинам защитой не только от колющих и режущих мечей и палашей, но и от воздействия с опасными средами в бою (С крепостной стены **млсы кипятки** на спины атакующих, **на шлемы воинов**, карабкающихся по лестницам, летели камни, свистели стрелы. Светлаков Д. Ледовое побоище).

Шлемы воинов разных народов отличались по форме и внешним признакам: наличием на них рогов (Но **скандинавские воины не носили рогов** – такая форма шлема была неустойчива и опасна. Мифы и реальность // Знание – сила. 2010), острым верхом (Они напоминают **древнюю рать воинов в островерхих шлемах**, столпившихся на берегу. Овчинников В. В. Своими глазами), «наушниками» (Такая мысль пришла мне в голову, когда, рассматривая рисунки Радзивиловского списка, на одном из них среди воинов Аскольда и Дира, я отметил резко выделяющееся своей индивидуальностью круглое лицо молодого латника в золоченых доспехах и в **шлеме с характерными «наушниками»**. Никитин А. Поиски и находки: Тайны Радзивиловской летописи).

Города России напоминают своим обликом воина (Псков и внешне напоминает воина **шлемами храмов и бойницами крепостных башен и стен**. Если есть у России душа... // Народное творчество. 19.04.2004). На Руси форма шлема стала прообразом для куполов церквей (Пожалуй, своеобразным элементом архитектуры джайпурских дворцов,

и в частности Хава-Махала, является восьмиугольная беседка, увенчанная **куолом, похожим на шлем воина**. Овчинников В. В. Своими глазами).

На Руси бытовал обычай: оставшимся в живых после битвы полагалось носить шлемом землю на могилу павших в бою воинов (20 апреля 1921 г. вышел приказ Кутепова (№ 234), в котором говорилось о необходимости воздвигнуть памятник на общем кладбище, ... для чего воскресить обычай седой старины, когда **каждый из оставшихся в живых воинов приносил в своем шлеме земли на братскую могилу**. Карпов Н. Д. Крым – Галлиполи – Балканы). Воины, принявшие участие в общем сражении, почитались братьями (воинское братство). Погибших на поле брани хоронили в **братских могилах**.

Копьё

Этот воинский атрибут – один из самых распространенных признаков воинов (Один из **воинов проткнул ему грудь копьём**. Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей). Согласно Словарю символов это «Один из символов мировой оси. Означает также мужское начало, дающую жизнь силу, плодородие, воинскую доблесть, жезл волшебника. Атрибут воинов и охотников»⁴.

Копьё входило в состав вооружения русских воинов (– Может быть, – сказал Олег Николаевич, – с этим **копьем** выходил **русский воин** на Куликово поле. Наши любимые писатели – Олег Николаевич Тихомиров // Мурзилка. 2002). Этот вид вооружения использовался в близком бою (Тогда становился слышен тревожный свист рассекаемого воздуха – но они всегда отворачивали раньше, чем **воины могли достать их копьём**. Пелевин В. О. S.N.U.F.F).

Существует классификация видов оружия (Конечно, я не ожидал, что из леса выйдут свирепые, вооруженные **мечами, луками и копьями воины**, что заржут боевые кони и земля Полесья содрогнется от ударов копыт. Бурлак В. Хранители древних тайн). Вооружение делится на колющее оружие, к которому относятся копьё, лук, дротики, пики (Я вырвал **копье** у стоящего рядом **воина** и бросился на Льноволого. Скрипкин В. Тинга; Неожиданно из зарослей, как черт из коробочки, выскочил **воин** спецназа в полной боевой раскраске, с **копьем** в руке и с **луком** за спиной. Панин М. Камикадзе; **Воины вооружены копьями и дротиками**, которые они **мечут** на бегу. Подцероб А. Петроглифы ливийской Сахары; Одна серия для вечности – с солнцем, бьющим прямо в камеру над строем **воинов с пиками**. Пелевин В. О. S.N.U.F.F), режущее – меч, кинжал (Европейский воин держался на коне, как наш Медный Всадник: **вздумай он вооружиться длинным мечом, тяжелым копьём** –

³ Шлем // Словарь символов. Режим доступа: <http://www.edudic.ru/sim/987/> (дата обращения: 08.12.2018).

⁴ Копьё // Словарь символов. Режим доступа: <http://www.edudic.ru/sim/362/> (дата обращения: 08.12.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-496-503

замахнувшись, опрокинулся бы в плоскость змеи. Лурье С. Поступки, побуждения, слова), рубящее – секира: древнее холодное оружие, одна из разновидностей боевого топора с длинным лезвием обычно в виде полумесяца (*Идут его воины-телохранители с секирами и мечами, и начальники, и чиновники в праздничных одеждах*. Гаршин В. М. Сказание о гордом Аггее), стрелковое. Современники в словах *стрелять, стрелковый* уже не замечают стёртую метафору стрелы.

Оружие воинов сопряжено с религиозной символикой. «В христианстве копьё символизирует страдания Христа и является атрибутом святых Михаила и Лонгина (центуриона, присутствовавшего при распятии)» [15]. Римский центурион Лонгин вошел в историю со своим копьём (*И всё это вдруг задвигалось: волхвы и цари протянули маленькому Христу свои золотые дары; а на заднем плане два плотника всё теми же марионеточными движениями уже тесали из брёвен крест и римский воин поднимал и опускал копьё с губкой на острий*. Катаев В. П. Алмазный мой венец). Другая символическая традиция ассоциирует копьё с небесным воинством (*И пирамида, и лестница в небо, и трубы Господни, и копьё воина и ангела, обращенное на Создателя, и мгновенный ритуал у-шу*. Радости Элизия // Театральная жизнь. 28.07.2003).

Меч

Символизм меча сложен и многогранен, он «символизирует силу, защиту, власть, королевское достоинство, лидерство, правосудие, мужество, бдительность, физическое уничтожение мужского начала, активной силы. Меч находится в руке космического или солнечного героя, победителя драконов и демонических сил. Это символ высших форм рыцарства, символ более низких – копьё. Четыре меча монарха при коронации – это меч государства; *curtana*, или затупленный меч милосердия; духовное правосудие; временное правосудие»⁵.

Меч становится символом юстиции – это атрибут правосудия (*С середины XVI века российский воин, а тем более полководец не был защищён от меча правосудия, причём буквально – от высшей меры наказания как за плен, дезертирство, проигранное сражение и отступление, так и за нежелание выступить в поход против врага*. Ерусалимский К. Народ московский).

Меч – это достояние воина. Хорошее оружие – это меч, выкованный из особых сплавов (*А мечи индусов легко рассекали даже металлические части амуниции воинов Александра, оставаясь такими же прямыми и острыми*. Дубровский А. Тайны восточных клинков). У разных народов были свои технологии изготовления мечей (*Во всяком случае, короткий бронзовый меч – это вооружение*

ассирийского воина, а конная упряжь для верховой езды у них, по археологическим данным, более древняя, нежели у скифов. Кузьмин В. Скифы на Кавказе). Небесное воинство тоже было вооружено мечами (*Но есть ангел-воин, у которого меч*. Шаргунов С. Вась-вась).

Выводы

Полученные в ходе исследования результаты представим в виде таблицы. Укажем в ней количество актуализаций описанных признаков, а также их процентное соотношение между собой. К символическим стереотипным признакам экипировки относится 15 когнитивных признаков. Одна треть из них относится к признакам военного облачения, две трети – это признаки различных видов вооружения. Эти признаки имеют определенную пропорцию актуализаций: в 352 примерах актуализируются признаки защитной экипировки: доспехи, кираса, кольчуга, латы, шлем, щит. 205 примеров указывает на признаки вооружения воинов: дротики, кинжал, копьё, лук, меч, палаш, пики, секира. Другими словами, в русской языковой картине мира большее внимание сосредоточивается на защитной оснастке воина.

Таблица. Символические стереотипные признаки концепта воин в русской языковой картине мира

Table. Symbolic stereotypical signs of the concept воин (warrior) in the Russian language picture of the world

Символические стереотипные признаки концепта воин	Количество	%
Доспехи	26	4,7
Кираса	4	0,7
Кольчуга	29	5,2
Латы	12	2,1
Вооружение	132	23,7
Дротики	2	0,4
Кинжал	5	0,9
Копьё	13	2,3
Лук	9	1,6
Меч	55	10
Палаш	3	0,5
Пики	2	0,4
Секира	4	0,7
Щит	127	22,8
Шлем	134	24
Итого	557	100

⁵ Меч // Словарь символов. Режим доступа: <http://www.edudic.ru/sim/490/> (дата обращения: 08.12.2018).

Высокая частотность актуализаций отмечена у таких символических стереотипных признаков, как шлем (24 %), вооружение (23,7 %), щит (22,8 %), меч (10 %). Средняя степень частотности характерна таким когнитивным признакам, как кольчуга (5,2 %), доспехи (4,7 %), копьё (2,3 %), латы (2,1 %), лук (1,6 %). Остальные признаки имеют низкую степень частотности.

Заключение

История показывает, как изменилась ментальность народа, ведь в древнерусском сознании один в поле – воин – был богатырем-пахарем (*И по мере того, как развивался ум, поле*

работы делалось все шире и шире, пока не охватило оно весь мир, среди которого он отстаивал для своей родины по праву принадлежащее ей место, завоеванное такими же, как он, пахарями-воинами. Меньшиков М. О. Кого хоронит Россия). Богатырь оборонял свою землю (о богатырях см. подробнее в [13, с. 239–325]). Отсюда лексемы *оборона, броня*, восходящие к слову *борона*. Что было под рукой у богатыря-пахаря, тем он и вступал в битву [12, с. 195]. Не зря в русском языке существует стёртая метафора *орудие труда*, в которой носители языка не замечают воинскую метафору оружия.

Литература

1. Бодриков А. Б. Лингвокультурологическое исследование концепта *воин* в аудитории военного технического вуза // Ученые записки ЗабГУ. 2018. Т. 13. № 2. С. 57–64.
2. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию. М.: Флинта; Наука, 2016. 248 с.
3. Пименова М. В., Бодриков А. Б. История происхождения слова *воин* // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков / под общ. ред. М. В. Пименовой. СПб.: СПбГЭУ, 2017. С. 194–196.
4. Степанов Ю. С. Концепты: тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
5. Пименова М. В. Фольклорные концепты // Концепт и дискурс / отв. сост. Г. Н. Кенжебалина, М. В. Пименова. Павлодар-Кемерово-Киев-Витебск: Кереку, 2012. С. 63–102.
6. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2016. 180 с.
7. Пименова М. В., Бодриков А. Б. Концептуализация военной лексики: слово *воин* в русском языке // Мир в языке и культуре: доклады XXVIII Осенней школы и XXVIII Междунар. науч. конф. СПб.: СПбГЭУ, 2017. С. 68–74.
8. Пименова М. В. Концепт и культурная картина мира в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2018. С. 63–70.
9. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
10. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
12. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. М.: Флинта; Наука, 2016. 136 с.
13. Пименова М. В. Языковая картина мира. 3-е изд., доп. М.: Флинта; Наука, 2012. 108 с.
14. Пименова М. В. Богатырши в русских народных сказках // Виноградов В. А., Воркачев С. Г., Карасик В. И., Колесов В. В., Маслова В. А., Пименова М. В., Теркулов В. И. Лингвистика начала XXI века. СПб.: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. С. 174–204.
15. Пименова М. В. Стереотипы о богатырях и рыцарях сквозь призму русской ментальности // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования / отв. сост. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. Талдыкорган-СПб.-Кемерово: ЖГУ, КемГУ, 2015. С. 10–15.
16. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. М.: Инфра-М, 2018. 355 с.
17. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.
18. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.-СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.
19. Артеменко Е. Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура (опыт интерпретации) // Славянская народная культура и современный мир. М.: ГЦРФ, 2003. Вып. 5. С. 7–21.
20. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. М.: ЭКСМО, 2005. 608 с.
21. Берегова О. Символы славян. СПб.: Диалог, 2007. 432 с.
22. Буслаев Ф. И. Народный эпос и мифология. М.: Высшая школа, 2003. 400 с.
23. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 408 с.
24. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2000. 326 с.
25. Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.

26. Маковский М. М. Метаморфозы слова (Табуирующие маркеры в индоевропейских языках) // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 151–179.
27. Мелетинский Е. М., Гуревич А. Я. Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 287–292.
28. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 2-е изд., репринт. М.: Восточная литература РАН, 1995. 408 с.
29. Науменко Г. М. Народные русские легенды. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 188 с.
30. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
31. Пименова М. В. Русская сказка. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2012. 68 с.
32. Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Русская литература. 1963. № 3. С. 62–84.
33. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
34. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и киевские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
35. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
36. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
37. Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян: опыт реконструкции. Введение к курсу истории славянских литератур. М.: РГГУ, 1998. 319 с.
38. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.
39. Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж: ВГПУ, 2004. 184 с.
40. Элиаде М. Мифы и волшебные сказки // Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2000. С. 181–187.

Helmet, Shield, and Sword as Symbolic Signs of the Warrior Concept

Alexei B. Bodrikov^{a, @}

^a Military Engineering and Technical Institute of General A. V. Khrulev Military Academy of Material and Technical Support, 22, Zakhariyevskaya St., St. Petersburg, Russia, 191123

[@] 79261454613@yandex.ru

Received 21.01.2019. Accepted 22.04.2019.

Abstract: Attitude to Motherland plays an important role in Russian linguistic culture. The sphere is formed by a number of concepts, such as Fatherland, home, family, children, warrior, etc. The concept *vojn* (warrior) has not been studied in modern linguistics, which adds relevance to the present research. Military concepts bear a large cultural load and make up an important component of the society. In Russian linguistic culture, a warrior is a defender, the one who protects the peace of the family, relatives, friends, and Motherland as a whole. Military concepts are just beginning to attract the attention of modern researchers. The present paper features the symbolic signs of the concept *vojn* (warrior). The analysis is based on the constructions with the lexeme *vojn* (warrior) from the Russian National Corps. One of the most common symbols of a warrior is weapon. The article focuses on the symbolic equipment signs of the concept, i.e. helmet, shield, and sword. The research employed conceptual, descriptive, and static analysis methods. The following symbolic stereotypical signs were especially frequent: helmet (24 %), armament (23.7 %), shield (22.8 %), and sword (10 %). The average degree of frequency was observed in such cognitive signs as chainmail (5.2 %), armor (4.7 %), spear (2.3 %), armor (2.1 %), and bow (1.6 %). Other signs demonstrated a low degree of frequency.

Keywords: linguaculture, military code, symbol, language picture of the world, questioning, language consciousness

For citation: Bodrikov A. B. Helmet, Shield, and Sword as Symbolic Signs of the Warrior Concept. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 496–503. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-496-503>

References

1. Bodrikov A. B. Linguistic and cultural study of the "воин" (warrior) concept in the military technical institute. *Scientific Notes of ZabSU*, 2018, 13(2): 57–64. (In Russ.)
2. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Introduction to conceptology*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 248. (In Russ.)
3. Pimenova M. V., Bodrikov A. B. History of the word "воин" (warrior). *New in linguistics and methods of teaching foreign and Russian languages*, ed. Pimenova M. V. Saint-Petersburg: SPbGEU, 2017, 194–196. (In Russ.)
4. Stepanov Yu. S. *Concepts: thin film of civilization*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007, 248. (In Russ.)
5. Pimenova M. V. Folklore concepts. *Concept and discourse*, eds. Kenzhebalina G. N., Pimenova M. V. Pavlodar-Kemerovo-Kiev-Vitebsk: Kereku, 2012, 63–102. (In Russ.)
6. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 180. (In Russ.)
7. Pimenova M. V., Bodrikov A. B. Conceptualization of military vocabulary: the word "воин" (warrior) in the Russian language. *World in language and culture: reports of the XXVIII Autumn School and the XXVIII Intern. Sci. Conf.* Saint-Petersburg: SPbGEU, 2017, 68–74. (In Russ.)
8. Pimenova M. V. Concept and cultural picture of the world in terms of the formation of linguistic and cultural competences. *New in linguistics and methods of teaching foreign and Russian languages*, ed. Pimenova M. V. Saint-Petersburg: SPbGEU, 2018, 63–70. (In Russ.)
9. Vorob'iev V. V. *Linguoculturology: theory and methods*. Moscow: Izd-vo Ross. un-ta druzhby narodov, 1997, 331. (In Russ.)
10. Karasik V. I. *Language social status*. Moscow: In-t iazykoznaniiia RAN; Volgogr. gos. ped. in-t, 1992, 330. (In Russ.)
11. Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
12. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Language bases of the Russian mentality*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 136. (In Russ.)
13. Pimenova M. V. *Language picture of the world*, 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2012, 108. (In Russ.)
14. Pimenova M. V. Heroes in Russian folk tales. Vinogradov V. A., Vorkachev S. G., Karasik V. I., Kolesov V. V., Maslova V. A., Pimenova M. V., Terkulov V. I. *Linguistics of the beginning of the XXI century*. Saint-Petersburg: VI ZHDV i VOSO, 2015, 174–204. (In Russ.)
15. Pimenova M. V. Stereotypes about heroes and knights through the prism of the Russian mentality. *Cognitive linguistics and conceptual studies*, eds. Momynova B. K., Pimenova M. V. Taldykorgan-Saint-Petersburg-Kemerovo: ZhGU, KemGU, 2015, 10–15. (In Russ.)
16. Pimenova M. V. *Ethnohermeneutics of Russian fairy tales*. Moscow: Infra-M, 2018, 355. (In Russ.)
17. Pomerantseva E. V. *Mythological characters in Russian folklore*. Moscow: Nauka, 1975, 194. (In Russ.)
18. Meletinsky E. M. *The hero of a fairy tale*. Moscow-Saint-Petersburg: Akademiia Issledovaniia Kul'tury, Traditsiia, 2005, 240. (In Russ.)
19. Artemenko E. B. The language of Russian folklore and traditional folk culture (interpretation experience). *Slavic folk culture and the modern world*. Moscow: GTsRF, 2003, iss. 5, 7–21. (In Russ.)
20. Afanasyev A. N. *Mythology of Ancient Russia*. Moscow: Eksmo, 2005, 608. (In Russ.)
21. Beregova O. *Symbols of the Slavs*. Saint-Petersburg: Dilia, 2007, 432. (In Russ.)
22. Buslaev F. I. *Folk epic and mythology*. Moscow: Vysshiaia shkola, 2003, 400. (In Russ.)
23. Veselovsky A. N. *Historical poetics*. Moscow: Vysshiaia shkola, 1989, 408. (In Russ.)
24. Kolesov V. V. *Ancient Russia: a legacy in the word. Human world*. Saint-Petersburg: Filol. fak-t SPbGU, 2000, 326. (In Russ.)
25. Krinichnaya N. A. *Russian mythology: the world of folklore images*. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2004, 1008. (In Russ.)
26. Makovsky M. M. Metamorphosis words (tabbing markers in Indo-European languages). *Voprosy iazykoznaniiia*, 1998, (4): 151–179. (In Russ.)
27. Meletinsky E. M., Gurevich A. Ya. German-Scandinavian mythology. *Myths of the peoples of the world*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1987, vol. 1, 287–292. (In Russ.)
28. Meletinsky E. M. *Poetics of myth*, 2nd ed., reprint. M.: Vostochnaia literatura RAN, 1995, 408. (In Russ.)
29. Naumenko G. M. *Folk Russian legends*. Moscow: Astrel: AST: Liuks, 2005, 188. (In Russ.)
30. Nikitina S. E. *Oral Folk Culture and Language Consciousness*. Moscow: Nauka, 1993, 187. (In Russ.)
31. Pimenova M. V. *Russian fairy tale*. Kiev: Izdatel'skii dom D. Burago, 2012, 68. (In Russ.)
32. Propp V. Ya. Folklore and reality. *Russkaia literature*, 1963, (3): 62–84. (In Russ.)
33. Rybakov B. A. *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka, 1981, 608. (In Russ.)

34. Rybakov B. A. *Kievan Rus and Kiev princedoms of the XII–XIII centuries*. Moscow: Nauka, 1982, 590. (In Russ.)
35. Rybakov B. A. *Paganism of ancient Russia*. Moscow: Nauka, 1987, 783. (In Russ.)
36. Tolstoy N. I. *Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow: Indrik, 1995, 512. (In Russ.)
37. Toporov V. N. *The prehistory of literature among the Slavs: the experience of reconstruction. Introduction to the course of the history of Slavic literatures*. Moscow: RGGU, 1998, 319. (In Russ.)
38. Freudenberg O. M. *Myth and literature of antiquity*. Moscow: Nauka, 1978, 605. (In Russ.)
39. Chervaneva V. A., Artemenko E. B. *Space and time in the folklore picture of the world (on the material of epic genres)*. Voronezh: VGPU, 2004, 184. (In Russ.)
40. Eliade M. *Aspects of myth*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2000, 181–187. (In Russ.)